

Макс Шаниро

Переводчик, прозаик. Родился в 1966 году в Петербурге. Образование высшее техническое. Инженер. Сейчас проживает в США.

СУМЕРКИ ЛЕЙПЦИГА

ПРОЛОГ

Фауст:

За службу много ли берёшь?

Мефисто:

Возьму я сущие гроши —
Часть лишнюю твоей души.

Фауст:

Есть части у души?

Мефисто:

Есть та, что хочет понемногу
В тебе свободу задушить,
Чтобы усерднее служить
Давно исчезнувшему Богу.

Фауст:

Творца и тварь не разлучить,
Напрасно будешь ты стараться.

Мефисто:

Ну это как за дело взяться!
Да можно ли не рассмеяться:
Из глины Фауста слепили
И жизни дух в него вложили.
Итогом всех научных прений —
Ты сам, Творец, и Бог, и Гений!

Фауст:

В науках, вижу, ты осведомлен.

Мефисто:

Я не всеведуц — только искушен.

Фауст:

Как много льстивых предложений,
Да слишком длинным будет счет.

Мефисто:

Сочтёмся позже, время ждёт!
Тебе миры без промедленья
Свои сокровища раскроют.
Нежнейшей страсти наслажденья
Твой лик лобзаннями покроют.
Глубины смыслов бытия
Своею мыслью ты постигнешь
И на земле Эдем воздвигнешь!
Решайся, Фауст!

Фауст (к себе):

Боже, пощади! Что я творю?!

Фауст (к Мефисто):

Согласен!

Мефисто:

Кровью подпишись.

* * *

Николай Александрович Логинов преподавал аксиоматику в Петербургском университете. Ректорат уговаривал его прочитать цикл лекций в Лейпциге. «Программа по обмену профессорским составом есть, — говорили ему, — а математиков вашего уровня с хорошим немецким нет. Выручили бы вы «Alma Mater». Логинов отказывался. Его жена, Людмила, болела раком, развитие болезни удалось приостановить, но уезжать надолго Николай опасался. Его не покидало тяжелое предчувствие, поэтому он исправно ходил с супругой по врачам и внимательно следил за медицинской периодикой.

Особенно его интересовал трексалин — препарат новый, судя по публикациям, эффективный, но в России недоступный: клинические исследования велись преимущественно в США. Наладить связи за рубежом Логинову не удалось, и он всерьез задумался о поездке в Лейпциг. Наверняка в Германии удастся выяснить ситуацию с трексалином. Людмила его планы всецело поддержала. Онколог тревожных сигналов не подавал: «Я развития болезни не вижу. Но гарантий, как вы

понимаете, дать не могу». Эта фраза Логинова не насторожила, он слышал ее не раз. Ректорат настаивал... Николай решил рискнуть.

Лейпциг принял русского профессора великолепно. Его поселили в квартире рядом с университетом, возили по достопримечательностям, приглашали в гости. Ему даже предоставили редкую возможность отшлифовать немецкий. «Прослушайте курс литературы профессора Таубе, — посоветовал декан. — Я вас познакомлю. К концу семестра будете знать язык лучше канцлера». Логинов, конечно, согласился.

Вильхельм Зигфрид Фон Таубе был старейшим профессором университета. На его лекции собиралась, плотно заполняя аудиторию, толпа студентов.

Со звонком входил высокий, грузный мужчина в толстых очках. Тяжело опираясь на трость, он медленно добирался до кафедры, с трудом преодолевая несколько ступенек, отдышавшись, брал в руки микрофон, — и трагическая судьба Германии, ее великая литература вдруг оживали, повинуясь его тихому голосу.

Когда Таубе болел, его замещал господин Штейнмахер, декан богословского факультета. О, это был совсем другой лектор! Ироничный, меткий, любящий поспорить с аудиторией, которая награждала его неожиданные, граничившие с цинизмом ответы бурными овациями. И если Таубе одевался в один и тот же мятый костюм, то господин Штейнмахер был идеалом изящества. Острая бородка, узенькие брючки, лакированные туфельки, просторный балахон из черного атласа и белый сплошной воротничок, выдающий принадлежность хозяина к касте священнослужителей.

Логинов искренне наслаждался лекциями. Немецкий мир распахивался перед ним — таким ярким и необычным выдось литературно-историческое полотно, создаваемое на его глазах этими удивительными людьми.

В середине семестра Логинову изменили расписание, и походы на лекции Таубе пришлось прекратить. К тому времени коллеги потеряли интерес к его персоне, поэтому по вечерам, после лекций, Николай гулял по пасмурному Лейпцигу один.

Ах, до чего же ярок и привлекателен ночной Лейпциг! Столько искусственного света на его узких улицах, что и в сумерках город сверкает как днем. В центре современные отели,

музеи, высотные здания со стеклами в три этажа, гигантские торговые ряды, под ними бесконечные парковки, уходящие вглубь до центра Земли. Но стоит свернуть с главной улицы, и попадешь в Лейпциг уютных кафе и ресторанов, маленьких полутемных книжных лавок, заполненных фолиантами в кожаных переплетах, таинственных антикварных магазинчиков, где прошлое продолжает свою загадочную жизнь.

Всё, чего только может возжелать душа, чудесно умещается вдоль мостовых Лейпцига. Кажется, жизни не хватит заглянуть за каждую дверь. Нет на свете диковинки, которая не светилась бы в его витринах. Всё самое элегантное, самое удобное, точное и надежное манит к себе из глубины каждого окна.

Но Логинов был человеком непритязательным, утонченное изобилие Лейпцига его не интересовало. Он с тревогой думал о жене и мифическом трексалине, столь же недостижимом в Германии, сколь и в России. Часто слушал Баха в церкви святого Фомы, а вернувшись домой, звонил Людмиле в Петербург.

На концертах Николай нередко встречал Таубе. Они неизменно улыбались друг другу, приветливо кивали и — молча расходились. Каково же было удивление Логинова, когда однажды, выйдя из церковных ворот после концерта, он услышал приветствие Таубе.

— Дорогой профессор Логинов, рад вас видеть!

— Взаимно, господин Таубе, — поклонился Логинов.

— Вы, я заметил, здесь частый гость. Баха вы, очевидно, любите, а вот мои лекции перестали посещать, — в шутку упрекнул Таубе.

— К сожалению, мою пару перенесли на ваше время, а лекции завораживающе интересны.

— Чем же они вас так очаровали?

— Ваш курс... — Логинов на миг задумался, — показался мне не столько о литературе, сколько о судьбе Германии. История и речь продолжают друг друга. Литература одновременно и пророчество, и летопись. Неординарный подход... Позвольте задать вам вопрос по материалу, который я, возможно, пропустил.

Таубе, внимательно слушавший Николая, благожелательно кивнул.

— Меня удивляет развитие сюжета о Фаусте. Каждое поколение пишет о нём свои книги. Но чем современнее произведение, тем трагичнее судьба героя: с какого-то момента Мефистофель начинает везде выигрывать, хотя контракты всегда одинаковые. Бог будто забывает о Фаусте.

Таубе удивленно взглянул на Логинова и спросил:

— Не проводите ли вы меня? Здесь близко. И давайте попросту — называйте меня Зигфрид, а вы будете Нико. Не возражаете?

— Спасибо, Зигфрид. С удовольствием.

Они зашагали в обход университета. Профессор грузно опирался на трость и шёл медленно. Николаю приходилось притормаживать, чтобы не обгонять старика. Долго шли молча.

— Разумеется, литература не исчерпывается одним Фаустом, — начал Таубе. — Но отношения человека, Бога и дьявола — тема важная. Согласилась душа с вселенским злом — и контракт подписан. Мефистофель всего лишь свидетель. Однако в истории культуры мы наблюдаем, как постепенно исчезает главный арбитр, а с ним и возможность апелляции. Уже у Гёте Бог весьма декоративен. Ницше и вовсе похоронил Его полтора века назад. А сейчас от Бога только изображения остались.

— Позвольте, — удивился Логинов. — Тогда получается, что черт есть, а Бога нет. Странно! Это как если бы дня не было, а только ночь.

— Именно. Как вы сказали, так и есть. И ночь без дня не должна вас удивлять. В аду, как уверяют знатоки, всегда темно и очень жарко.

— Зигфрид, я в Бога верю! Мой Бог жив!

— Согласитесь, Нико, что декларация веры не предполагает наличия Бога. Допустим, Мефистофель предложит вам сделку, как вы поступите?

— Перекрещусь.

— Ах, какой легкий способ! — иронично заметил Таубе. — Но учтите, он ведь не с рогами и копытами явится. Встретите изящного такого господина, и он пообещает вам нечто крайне важное. Об оплате и не заикнется, дружеская услуга, не больше.

Николай не был готов к подобной дискуссии. О методах Мефистофеля он имел весьма поверхностное представление. Его озадачивали неожиданные утверждения Таубе, который разбирался в предмете на удивление глубоко.

— Но ведь я могу и не согласиться? — дипломатично возразил Логинов.

— Не уступите сегодня, постучится завтра, — в голосе Таубе звучала горечь. — Зло назойливо. Знает, что пообещать: библейской Еве стать богиней, Фаусту избавиться от тоски, жителям Лейпцига обрести вечное благополучие. Найдет подарок и для вас.

— Допустим, я приму предложение, может, и контракт подпишу. Но ведь когда-нибудь я узнаю, что этот изящный господин — Мефистофель?

— Безусловно, — сухо подтвердил Таубе.

— Как узнаю, дойду до церкви и покаюсь.

— Удобная стратегия. Надеюсь, вам не придется её использовать.

Профессор заметно устал: трость уже не так уверенно стучала об асфальт, появилась одышка. Он с трудом дошел до ближайшего кафе и рухнул в первое попавшееся кресло.

— Что с вами, Зигфрид?

— Плохо мне, Нико. Тело отказывает. Глаза не видят. Порой и жить не хочется, и умереть страшно. Вызовите мне такси.

Николай вызвал такси и довёл профессора до машины. Таубе с трудом открыл дверь, медленно опустился на сидение.

— Чем вам помочь? — спросил Николай.

Ответить Таубе не смог, хрипя, покачал головой и захлопнул дверь. Такси уехало. Сильно встревоженный, Николай дошел до дома, позвонил Таубе.

— Профессор Таубе, — прошелестел в трубке тихий голос.

— Зигфрид, это Нико. Извините за звонок. Как вы себя чувствуете?

— Гораздо лучше. Неожиданный приступ, а лекарство я забыл дома. Вы волновались?

— Очень.

— Спасибо, милый Нико. Весьма тронут. До завтра.

Николай успокоился, подошел к окну. Перед ним сиял огнями ночной Лейпциг — оживленный, беззаботный и на

удивление чужой. «Поразительный человек этот Таубе, — подумал Логинов. — Кажется, всю немецкую культуру впитал, а Бога потерял». Николай вскипятил чайник, набрал телефон жены.

* * *

После лекции Логинов собрался было в кафе, но неожиданно позвонил Таубе и попросил зайти. Голос в трубке звучал возбужденно. Встревоженный Логинов поспешил на литературный факультет, нашел кабинет Таубе, постучался.

Таубе закрыл за Николаем дверь, усадил его в широкое кожаное кресло, сам сел за рабочий стол напротив и заявил академическим тоном, с изрядной долей иронии:

— Даже если Бог есть, хотя это очень шаткое утверждение, не могу представить, что он вдруг простит Фаусту сам факт заключения контракта, тем более подписанного кровью. Учитывая многолетнюю связь с дьяволом, это видится и вовсе невозможным.

— Грядущего ко мне не изгоню вон, — не раздумывая, произнес Логинов. — Спаситель дверь всем открыл. Контракт с чертом образ Божий в человеке не стирает.

— И как же такие контракты ваш Бог аннулирует? — саркастически спросил Таубе.

— Приходит человек в церковь, кается, и нет контракта.

— И вы полагаете, что Фауст может это сделать? Он с духами говорил, рай на земле строил. Фауст — это ступок гегелевского духа познания, титан Просвещения. Высшее проявление немецкой мысли. И он обратится к давно истлевшей социальной институции, которую вы называете церковью, и станет каяться? Смешно.

Николая начал раздражать этот неожиданный и неприятный религиозный диспут, более похожий на допрос.

— Да прекрасно покается ваш Фауст, если захочет, — резко ответил он. — Найдет любого священника и, как перед Богом, расскажет, что от скуки с бесами развлекался. Совратил Гретен, отравил ее мать, зарезал брата и отправился на ведьминский шабаш, когда якобы любимая женщина сошла с ума от горя и утопила его дочь. Кому ваш Фауст стакан воды подал

за свою титаническую жизнь? А все его великие проекты делались Мефистофелем, поэтому и слились в канаву лемуров.

Таубе молчал, его широкое лицо покрылось краской. Видно было, что он с трудом сдерживает гнев. Глаза из-за толстых линз смотрели на Николая сухо и зло. Наконец, с силой опершись на трость, он рывком поднялся.

— Профессор Логинов, вы здесь человек новый. Культуры нашей не знаете, души немецкой не понимаете. Ваши слова не просто невежливы, — они чудовищны, отвратительны! Я глубоко сожалею, что начал с вами этот разговор. Извините, у меня лекция.

С этими словами Таубе вышел, оставив ошарашенного Николая в своем кабинете.

* * *

«Господи, чем же я так обидел старика?» — думал Николай, с нетерпением ожидая вечера, чтобы отправиться в церковь святого Фомы.

Вечером в соборе звучали «Страсти по Матфею». Николай надеялся встретить Таубе и объяснить. Когда он вошел в зал, женщина в черном пела «*Erbarme dich*»: «Сжался, мой Бог. Призри на слезы...» Народу было немного. Он сразу увидел Таубе в первом ряду. Положив очки на кресло, профессор опустил седую тяжелую голову на ладони и, казалось, пребывал в полусне.

Концерт закончился. Церковь опустела, но Таубе оставался в той же позе. Николай подошел. «Зигфрид...». Профессор очнулся, но глаза не открыл.

— Нико?

— Простите меня за неосторожные слова. Я не...

— Бога ради, не оправдывайтесь, — перебил Таубе. — Вы все правильно сказали. Вызовите, пожалуйста, такси. Поедем ко мне и договорим.

В старинном доме Таубе отсутствовал лифт. С трудом преодолев два лестничных пролета, профессор открыл незапертую дверь.

— Нико, — сказал он задыхаясь, — мне нужно отдохнуть. Квартира в вашем распоряжении. Не церемоньтесь.

Таубе сбросил обувь и, как был в пальто, скрылся в кабинете.

В огромной квартире только кухня, столовая и кабинет были относительно пригодны для жизни. Гостиная и четыре спальни оказались плотно заставлены книжными шкафами высотой до потолка. Ничего, кроме книг о Фаусте, Николай в них не обнаружил. Издания, публикации, переводы, диссертации, музыкальные либретто — огромная библиотека, посвященная Фаусту.

Таубе вернулся через сорок минут и пригласил гостя в столовую. Открыл вино, наполнил бокал Логинова, плеснул в свой.

— Я хоть и циник, и в Бога слабо верю, но когда слышу «Страсти», будто тонкий детский голос меня зовет: «Зигфрид! Зигфрид!» Давно должен бы утихнуть, а он все теплится... Расскажите мне, Нико, о покаянии. Я забыл, что это такое.

Логинов растерялся — нехитрая, казалось бы, наука, и младенец поймет, но примет ли её искушенная премудрость Зигфрида? Таубе терпеливо ждал ответа.

— Глубинное очень чувство. Тоска сыновства, что ли... — задумчиво произнес Николай. — Вскрывается в душе нарыв, и человек видит себя не титаном Просвещения, а злым уродом. Вся его мелкая, лукавая жизнь перед ним встаёт. От образа Божия одни осколки остались. Тогда он кричит Богу: «Прости меня! Прими меня!» А Бог отвечает: «Сыне, дай мне сердце твое». Человек соглашается и преображается, как бы соединяется с Отцом. Какой контракт, какой ад? Да пусть даже и ад, с Ним не страшно.

Николай спохватился и прикусил язык: не сболтнул ли лишнего. Таубе продолжал молчать. Его лицо покрыла тень глубочайшей печали, в глазах стояла такая боль, что Логинов не выдержал и отвернулся.

— Интересное у вас богословие, — нарушил молчание Таубе.

— Думаю, профессор Штейнмахер лучше объяснит.

— Подальше держитесь от господина Штейнмахера, — неожиданно зло отрезал Таубе.

— Позвольте, он же ведущий протестантский богослов, ученый, декан?!

— При всех достоинствах господина Штейнмахера, у этого... — Таубе долго подбирал слова, — профессора... нет сердца. Не имейте с ним дела, Нико, ни при каких обстоятельствах... У вас есть дети?

— Были.

— Были?!

— Дочь родилась с врожденным пороком сердца. Умерла в пять лет. Следующая беременность не... короче, ребенок умер, не родившись.

Таубе тяжело встал, отправился на кухню. Вернулся с бутылкой шнапса и двумя рюмками. Разлил. Они выпили.

— Простите меня за утренний срыв, — извинился профессор. — Я же фаустовед. Ваши слова, несмотря на их справедливость, меня больно укололи.

— Это вы меня простите. Кто я такой, чтобы Фауста судить?

— Вы — ученый варвар. Человек чуждый моей цивилизации. Поэтому и решение ваше так оригинально... но, к сожалению, невыполнимо.

— А что же в нем невыполнимого, Зигфрид? — воскликнул Логинов. — Час назад мы слышали, как разбойник с креста просит: «Помяни меня во царствии твоём». А Христос ему отвечает: «Днесь будешь со мной в раю». Церкви еще нет, даже воскресения нет, а прощение уже есть. Один шаг, маленькая просьба — и спасение. Не был разбойник безгрешнее Фауста, а первым в рай вошел.

— Один шаг и в рай?! Я этой легенде не верю. Приговор по нашим распискам выносится за порогом смерти, и суда Божьего мы ни над кем знать не можем, — Таубе задумался. — Да и не сделает Фауст такой шаг. Контракт впитался в него, как деготь в кожу, уже не вытравишь. Слишком поздно. Сумерки души, сумерки любви. Закат культуры. Надвигается ночь, и она поглотит всех Фаустов.

Профессор произнес последнюю фразу на удивление спокойно, словно был бы рад увидеть, как оборвется, наконец, череда трагических реинкарнаций его любимого героя.

Николай вскочил:

— В жизни ли, в смерти ли, мы всегда Его дети. Не могут наши контракты сломить Его любовь. Надежда не умирает!

Таубе вздохнул, снял очки, положил на стол. Перед Логиновым сидел уставший, почти незрячий, отчаявшийся человек.

— Не в контракте дело, Нико. Просто за каждую услугу Мефистофель откусывает частичку души. Душа сжимается, черствеет, и пуповина, соединявшая ее с Творцом, высыхает и рвется. Фаусту нечем каяться, даже если бы он захотел.

Логинов обреченно смолк. Таубе продолжал говорить с омерзением, словно выдавливая гной.

— Все услуги Мефистофеля — ложь, и ведут, как вы заметили, в канаву лемууров. Все его обещания — миражи в тумане. Снаружи привлекательны, даже желанны, а внутри обрыв в ад. Годами ловишь призраки, а как рассеется туман перед смертью — ни веры, ни надежды... Бога нет, только расписки кровью остались.

Таубе на ощупь нашел и надел очки, снова разлил шнапс.

— А вы, Зигфрид, были женаты? — Логинов осторожно сменил тему.

— У меня был брак, но невенчаный. Дочь утонула в младенчестве... Несчастный случай. Жена от горя сошла с ума, за ней некому было следить. Она простудилась... и умерла от пневмонии.

— Чудовищно!

— Меня не было рядом, когда она умирала, но я успел застать ее живой — только в одну последнюю ночь. Она металась в бреду. Хватала меня за руки. Звала дочь. Утром ее не стало. Я всю жизнь ее любил, и я оставил ее умирать одну. В страхе, в отчаянии, в полном одиночестве.

Профессор опустил голову на грудь и глухо проговорил:

У смерти есть особый диалект

Нам объяснить основы мироздания.

Что наша жизнь — короткое свидание

С любимыми, которых больше нет.

Их хрупких черт тревожное мерцание

Погаснет с нами, как лампы свет.

И голосов их тихое прощание

Уже в душе не породит ответ.

— Вы не старый человек, Нико, у вас еще будут дети.

— Наверяд ли, Зигфрид. У жены рак желудка.

Таубе выпрямился. Брови его сдвинулись. Глаза сузились.

— На какой стадии?

— Третья. Но рак не агрессивный. Ее прооперировали, потом прописали химиотерапию. Онколог пока развития болезни не видит, надеемся на ремиссию.

— Хорошо если так, — выражение крайнего напряжения ушло с лица Таубе.

— Я в периодике обнаружил американское лекарство, — решил Логинов. — Называется трексалин, сильный ингибитор для такого типа рака, но не знаю, где его найти.

— Позвоните-ка жене. Попросите выслать результаты последних анализов. Декан медицинского факультета мой приятель, пусть посмотрит. Не вижу, как это может навредить. Заодно и про трексалин узнаем.

* * *

Николай вернулся домой, когда в Петербурге был час ночи, и сразу позвонил жене.

— Не разбудил? — возбужденно спросил он.

— Я не спала, ждала звонка.

— Пошли мне результаты последних анализов. Здесь есть человек — Таубе, который знает декана медицинского факультета. Он может в клинику тебя устроить, трексалин поможет найти.

— Коля, ну кому нужны эти хлопоты? — устало сказала жена. — Как Бог решит, так и будет. Оставим как есть. До твоего возвращения со мной ничего не случится.

— Ты не права. Если есть возможность, надо пользоваться. Сделаем, что можем, а потом пусть Бог решает.

— Хорошо, — неохотно согласилась Люда. — Я соберу.

Николай повесил трубку и почувствовал, что его покинуло подспудное ожидание беды, тлевшее в душе последние два года. Появилась уверенность, что Таубе все устроит и Люда выздоровеет.

Три дня прошло в ожидании письма. Николай нервничал, торопил жену, ежечасно проверял почту. Вера в благополучный исход сменилась недобрим предчувствием. Как только письмо пришло, Николай отправил его Таубе и тут же получил ответ: «Нико, дайте мне время. Не волнуйтесь. Ждите».

Таубе позвонил через день и попросил Логинова зайти к нему на факультет. Он снова усадил Николая в кожаное кресло, но не сел напротив, а приволок стул и опустился рядом.

— Нико, у вашей жены тяжелая стадия. Пошли метастазы.

Мир откатился далеко от Николая. Разреженный воздух не пропускал звуки.

— Вы слышите меня, Нико? — донёсся издали голос Таубе. Логинов кивнул.

— Трексалин может помочь, но это экспериментальный препарат, доступный лишь в некоторых госпиталях Америки и только для пациентов контрольной группы. Я звонил в Стэнфорд. У них очередь на год.

— Вы можете записать туда нас?

Таубе сочувственно посмотрел на Николая.

— У вас нет года, Нико.

— Неужели нельзя купить?! — воскликнул Логинов.

— Невозможно.

— Дать взятку?!

— Очень сложно, — с большим сомнением произнес Таубе.

— Никто не будет рисковать лицензией, разве что за космические деньги.

— Сколько?!

— Сотни тысяч.

— Что же делать? — пробормотал Николай, обращаясь скорее к себе.

— Вам надо возвращаться.

— Как, Зигфрид?! Выездной профессор сбегает в середине семестра. Скандал!

— Нико, рак желудка — это мучительная, голодная смерть, — мягко, но внятно объяснил Таубе. — Не повторите моей ошибки. Вы обязаны пройти этот путь вместе с ней. А скандал я улажу.

— Спасибо вам, Зигфрид.

— Не благодарите! Я успел вас полюбить. Но такова проклятая моя жизнь, что дорогим людям я никогда не успевал помочь... Заказывайте билет.

Николай вышел из университета, сгорбившись от боли. Боль спустилась в пах и мешала идти. Суетливый Лейпциг равнодушно глазел на него сквозь витрины магазинов и окна кафе. Логинов полуослеп и двигался на ощупь: только бы добраться до квартиры в университетском доме на третьем этаже. И он упорно шёл через скверы, перекрестки и тротуары Лейпцига, опустив голову, чтобы не встретиться ни с чьим чужим взглядом.

Вечером он решился позвонить в Петербург.

— У тебя ухудшение, Люда, — сказал он, стараясь звучать спокойно, — похоже, начались метастазы.

— Я знаю.

— Почему не сказала?

— Зачем? Ты сорвешься сейчас, прилетишь. Неприятности в университете. Кому нужна эта суета. Умру, когда позвонят, а без тебя не позвонят.

— Я покупаю билет! — раздраженно бросил Николай.

— Зря, Коленька, — продолжала Люда. — Осталось всего два месяца. Ну что со мной может случиться?

— Я покупаю билет! — закричал он в трубку, даже не пытаясь остановить слезы, благо их никто не видел.

— Хорошо, родной, — успокоил его любимый голос. — Я жду.

* * *

Таубе так все уладил, что Николаю заплатили за полный семестр и выдали премию. Из Петербурга пришло письмо лично от ректора: «Дорогой Николай Александрович. Понимаем. Сочувствуем. За свою ставку не беспокойтесь». Билет был взят. Оставалось только попрощаться с Таубе. Николай собрался было набрать номер, но тот его опередил: «Нико, у вас сегодня последняя пара в шесть. Ждите меня в аудитории после лекции».

Аудитория опустела. Таубе опаздывал. За окнами густели сумерки, в них угасал холодный Лейпциг. Николай никуда не спешил. Через сутки он будет в Петербурге. Начнется предсмертный марафон. Потом Люда умрет. Он ее похоронит, а дальше Логинов не планировал.

Наконец пришёл Таубе. Тяжелой, шаркающей походкой он добрался до стула. У него опять началась одышка.

— Завтра улетаете?

— Да.

— Как она?

— Боли боится, смерти — нет.

— Она верующая?

— Не была до болезни. Сейчас изменилась. Говорит: «Позвонят — пойду. Позволят — задержусь». Готова к встрече.

— Как же вы будете жить без неё? — в голосе Таубе сквозила боль.

— Как получится, — устало ответил Логинов. — Похороню рядом с дочерью. Панихиду в церкви закажу. Она не сразу исчезнет. Запах ее останется, одежда, картины, книги. Память нашей жизни, нашей любви. Мы не навечно разлучаемся.

— Завидую вам, Нико. В вас всегда живет странная надежда. Ничем ее не погасишь.

— А вы, Зигфрид, неужели уже не надеетесь, не верите ничему?

— Нет, — безучастно откликнулся профессор. — Длинная бессмысленная жизнь. Пустая ученость... И ее холодеющее тело у меня на руках. Вижу ее каждый день так же ясно, как вас сейчас. Я уже и ада не боюсь. Все выжжено.

— Я вам не верю, Зигфрид. Вы умеете любить. Вы умеете помнить. Бог — великий собиратель. Каждую нашу боль, слезу каждую... Он хранит.

— Поздно. Время мое истекло, круг жизни замкнулся. Память о них, вечно любимых, умрет со мной.

Николай внутренне собрался. Должно быть... есть слово, способное взломать стены склепа, где бьется, тонет в прозрачной тоске душа Зигфрида.

— Не умрет, Зигфрид! Не замкнулся! Не мёртвых он Бог, но живых.

Я верю, что за мукой расставания

В нас воссияет негасимый свет.

Любимых ликов вспыхнут очертания,

Проявятся через завесу лет.

И горечь терпкая прошедшего страдания

*В душе утихнет, не оставив след.**

Таубе смотрел на Логинова. Долго, мучительно.

— Где живет твой Бог?

— 51 Филип-Розенталь Штрассе.

— Русская церковь?

Логинов кивнул.

— Пойдём к нему, Нико. Пойдём к нему немедленно!

— Это невозможно! Туда идти больше часа. Позвольте я хоть такси вызову.

— Я не поеду к Богу на такси. Мы сейчас идем!

Таубе отбросил трость и, шатаясь, двинулся к выходу, опираясь на парты. Внезапно ноги его подкосились, он рухнул на стул. Он задыхался, тело обмякло, губы с трудом двигались на белом лице.

*Иоганн Готфрид Зейме, Избранное (Kluge Herman, Auswahl Deutscher Gedichte, Altenburg, 1905)

— Зигфрид! — Логинов бросился к профессору. — Где ваше лекарство?!

Таубе что-то шептал. Склонившись над Таубе и напрягая слух, Николай различил обрывки фраз: «... болит душа... пусти». Таубе попытался встать... но потерял сознание. «Боже, что делать?» — в ужасе подумал Логинов.

Неожиданно дверь отворилась и в зал вошел господин Штейнмахер.

— Мистер Логинов. Какая удача. Где я вас только не искал.

— Вызовите скорую. Зигфриду плохо! — закричал Николай.

Штейнмахер быстро подошёл к Таубе, проверил пульс.

— Ничего страшного. Это всего лишь диабетический шок.

Профессор, как всегда, забыл свое лекарство.

Он опустил руку в карман, достал ампулу, шприц и сделал неподвижному Таубе укол.

— Не волнуйтесь, дорогой профессор Логинов. Ему сейчас станет легче. Я знаю профессора Таубе много лет и всегда ношу его лекарства с собой. Специально для таких случаев, которые, увы, нередки.

Острая тревога схлынула. Николай устало опустил ся рядом с Таубе.

— Вы считаете, ему не нужен врач?

— Ничуть. Скорая, госпиталь... Зачем? Это только утомит бедного Зигфрида. Через десять минут ему станет лучше, и я отвезу профессора на литературный факультет. У нас, знаете ли, полусеместровые экзамены. Без него мы не можем начать.

— Вы шутите, господин Штейнмахер. Экзамены в таком состоянии?

— Поверьте, никакой опасности нет, — успокоил Штейнмахер. — Профессору Таубе нужно лишь появиться на несколько минут, потом я отвезу его домой. Уверяю вас, при малейшем обострении лучшие эндокринологи Лейпцига немедленно им займутся. Вы и сами убедитесь, что профессор придет в себя, если подождете несколько минут.

Логинов недоверчиво кивнул.

— А к вам, дорогой Нико, у меня важное дело, — господин Штейнмахер поставил на стол большой бумажный пакет. — Здесь полный курс трексалина.

— Что здесь?!

— Полный курс трексалина для вашей супруги.

Бумажный пакет с трексалином лежал за пределами возможного. Это было чудо.

— Как вы узнали? Вы всеведущи?!

— Лишь осведомлен, — улыбнулся господин Штейнмахер.

— У меня нет таких денег! — простонал Логинов.

— Сочтёмся позже, время ждет.

— Я не могу это взять!

— Нико, у вас будет возможность оказать мне ответную услугу, — сказал Штейнмахер тоном глубочайшего участия. — Не думайте сейчас о цене. В этом пакете жизнь женщины, которую вы любите. Спасите ее.

Меж тем Таубе задышал ровнее, открыл глаза. С лица сошла мертвенная бледность. Распластанное тело постепенно оживало.

— Вот видите, Зигфриду лучше, — господин Штейнмахер снова мило улыбнулся. — А вы так волновались. Вам следует больше мне доверять.

Он подобрал трость, подал ее Таубе.

— Пойдемте, Зигфрид. Нас ждут.

Таубе оперся на трость, с трудом встал. Штейнмахер подхватил его под руку, и они медленно покинули аудиторию.

Николай смотрел на пакет с чувством человека, которого должны были казнить, но помиловали и выпустили на свободу. Завтра он привезёт лекарство в Петербург. В понедельник начнется терапия. Через год Люда выздоровеет. Как, однако, всё хорошо складывается...

Николай очнулся. Экзамен в девять вечера? Нет и никогда не было полусеместровых экзаменов в университете Лейпцига! Что за наваждение? Куда увел Таубе этот странный человек?

— Зигфрид, вернитесь!

Николай вскочил, бросился за дверь. Он бежал, задыхаясь, по гулким коридорам университета и звал Таубе. Наконец он вырвался наружу.

Перед Логиновым лежала мокрая безлюдная площадь. С востока напал мрак, в нем тонули последние сумерки. Плотное черное небо опускалось на обнаженный город и плакало редким дождем, холодным, как слезы без надежды. Веселый шумный Лейпциг стоял пустынный и немой. Серые дома с темными, ослепшими окнами медленно погружались

в глубокую ночь. Уличные фонари почти не давали света. Николай до рези в глазах всматривался в темноту, пытаясь где-нибудь различить два силуэта. Ни души.

— Зигфрид! — закричал Логинов в мертвую тишину улиц.
— Зигфрид!

Лейпциг молчал.

ЭПИЛОГ

Фауст:

Исчезни, злобный дух,
Не преграждай дорогу.
Душа моя скорбит
И рвется к Богу.

Мефисто:

Помилуй, чтобы я?! Дорогу!?
Тебе когда-то преграждал?!
Ты получил, что сторговал!
Свою божественную тогу
Давно ты в клочья изорвал.
А без нее, как понимаешь,
На царский пир не попадаешь.

Фауст (обращаясь к себе):

Лукавый, наконец, не лжёт!
Душа моя в глубины ада
Сегодня до зари сойдет
И память преданной любви
Со мною навсегда умрет

Фауст к Мефисто:

Достал ли ты лекарство, бес?

Мефисто:

Достал.

Фауст:

Итак, больная будет жить?!

Мефисто:

Об этом не берусь судить,
Бесам пределы бытия
Творец не пожелал раскрыть.
Однако, все твои желанья
Исполнил я без опоздания.

Пора тебе бы заплатить.

Фауст:

Меня не надо торопить,
Свою добычу ты получишь.
Связавшись с дьяволом от скуки,
Я поделом приемлю муки.
И страх смертельный отчужденья,

И поздний голос сожаленья,
И осужденье без суда,
И жерло ада....
Но есть и у меня отрада,
Что жизнь чужую я спасти
Успел через свое паденье,
И Богу выкрикнуть «прости»
В своё последнее мгновенье.
Души моей предназначенье
Я забывал, увы, не раз,
Но огонь любви в ней не погас!

Пауза... Начинается заря. Фауст смотрит поверх Мефистофеля на первые лучи солнца.

Фауст:

Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!

Мефисто:

Свершилось! Более не властна
Над ним Божественная длань!
Мой труд не пропадет напрасно,
Богатую пожну я дань!

Мефистофель пристально изучает лицо Фауста.

Фауст:

Что медлишь, Бес?!
Что смотришь на меня?
Закон небесный и земной
Диктует, что теперь я твой.
Идем же, я готов.

Мефисто:

Как страшный лик его суров!
Вот шрам от гордости,
А вот от сладострастья.
Вот жажда власти
Обвила его запястья.
Вот след уныния,
А здесь от суеты,
Я каждой страсти
Вижу в нем черты.
Сработано на совесть, Монсеньор!
И все же...

Быть не может!...

Что за вздор!

Сквозь эти эти древние морщины,
Сквозь эти тусклые глаза,
Сквозь эти редкие седины
И складки горькие у рта,
Вдруг проступает и светится
Мне ненавистный лик Христа...

Проклятье!

Фауст:

Идем же, демон, нет пути назад.

Мефисто (отступая):

Идем?.. Куда?!... С тобою в ад?!